

Литературныя замѣтки.

II.

Стихи М. Бальмонта и В. Брюсова.

Не такъ давно вышли въ свѣтъ два сборника стиховъ подъ страннымъ заголовкомъ „Горяція зданія“ и „Tertia vigilia“ (третья ночная стража). Авторомъ перваго сборника является Бальмонтъ, котораго такъ много ругаютъ ио которомъ еще никто, кажется, не рѣшился поговорить серьезно. А между тѣмъ этотъ поэтъ несомнѣнно обладаетъ талантомъ. Размѣры и общественное значеніе его таланта трудно понять въ виду крайней туманности мышленія г. Бальмонта, и страннаго, быть можетъ, искусственнаго, стремленія въ символизацию. Крайне несдержанный въ эпитетахъ и слишкомъ щедрый на слова, онъ напоминаетъ ту „райскую птицу Сирина“, гласъ которой „зело силенъ“, но „когда она распѣваетъ, то сама себя позабываетъ“.

Но у г. Бальмонта есть простыя, красивые и сильные стихи, позволяющіе до нѣкоторой степени уловить и угадать его настроеніе. Не задаваясь въ этой замѣткѣ цѣлями болѣе широкими, мы предлагаемъ читателю, нѣсколько стихотвореній, иллюстрирующихъ, на нашъ взглядъ настроеніе талантливаго и страннаго поэта:

Въ душахъ есть все...

Въ душахъ есть все, что есть въ небѣ и много иного.

Въ этой душѣ создалось первозданное слово!
Гдѣ, какъ не въ ней,
Замыслы встали безмѣрною тучей,
Нѣжность возникла усладою пѣвучей.
Совѣсть, свѣтлячникъ опасный и глужій,
Вспышки и блестя различныя огней,
Гдѣ, какъ не въ ней,
Вури проносятся мысли могучей!
Небо—не тамъ
Въ этихъ кошмарныхъ глубинахъ пространства,

Гдѣ создаюся и снова создамъ
Звѣзды, одѣтыя блескомъ убранства,
Пламенный знакъ моего постоянства.
Небо—въ душевной моей глубинѣ,
Тамъ, далеко, еле зримо, на днѣ.
Дивно и жутко уйти въ запредѣльность,
Страшно мнѣ въ пропасть души заглянуть!
Страшно—въ своей глубинѣ утонуть;
Все въ ней слилось въ безконечную цѣльность.

Только душѣ я молитвы пою
Только одну я люблю безпредѣльность,
Душу мою!

Мысль этого стихотворенія, видимо, сразу вылившася на бумагу изъ души поэта, легла въ основу философской „системы Шопенгауэра—„миръ есть мое представленіе“. Отправляясь отъ этой мысли, г. Бальмонтъ въ другомъ мѣстѣ горячо восклицаетъ:

Миръ долженъ быть оправданъ весь,
Чтобъ можно было жить.

Это, разумѣется, логично, развѣ миръ признается какъ мое „я“ и не больше, не шире. Но отсюда начинается непримиримое противорѣчіе, которое Бальмонтъ ясно чувствуетъ, съ ужасомъ восклицая:

Но дилій ужасъ преступленія,
Не искаженные черты,
И это—все твои видѣнія?.

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что судьба поставила человѣка невольнымъ врагомъ жизни, что въ немъ самомъ есть что то неустранимо злое, всегда стремящееся разрывать безконечную цѣвь жизни.

Едва въ лѣсу я сдѣлалъ шагъ,
Раздавленъ муравей.
Я въ миръ всѣмъ не вольный врагъ...

Дѣло, конечно, не въ муравьѣ, а въ зломъ началѣ, которое разрываетъ сердце человѣка, не позволяя ему быть духовно цѣлостнымъ, не позволяя ему гармонично объединить въ себѣ весь миръ. И въ жадномъ стремленіи къ достиженію духовнаго совершенства человѣкъ, ввиду въ себѣ самомъ встрѣчая противорѣчія, съ горечью спрашиваетъ у себя:

Сумрачныя области совѣсти моей,
Чѣмъ же вы освѣжитесь на исходѣ дней?
... Послѣ дѣтства ровнаго съ прелестью луговъ,

Послѣ отысканія новыхъ береговъ
Наши мысли гоняютъ насъ, гоняютъ какъ враговъ.

... Чуть мечтой измѣряешь новые края,
Вотъ уже испорчена молодость твоя.
Стынетъ впечатлительность къ сказкамъ бытія

И душой холодною, полной пустоты,
Въ жаднѣ новыхъ пряностей, новой остроты

Тянешься, дотянешься до своей черты—
До черты губительной въ безднѣ голубой.
Гдѣ ты вдругъ очутишься—съ призраккомъ—съ собой,

Искаженный жадностью, грубой и слѣпой,
И среди отчаянья, дыма и тѣней

Чѣмъ же ты освѣтишься на исходѣ дней?
Горе! Какъ ты встрѣтишься съ совѣстью своей?

Отсюда, изъ этой черной пропасти противорѣчія въ себѣ самомъ, человѣку, всегда слабому въ борьбѣ съ собой, естественно желать одиночества, покоя, тишины. У Бальмонта есть очень душевное стихотвореніе на эту тему, вотъ оно:

Надъ пустыней ночною морей альбатросъ одинокій,

Разрѣзая ударами крыльевъ соленый туманъ,
Любовался, какъ царствомъ своимъ, этой бездной широкой,

И, едва колыхаясь, качался подѣ нимъ океанъ.

И порой омрачаясь, далеко на небѣ холодномъ
ко плыла, одиноко горѣла луна...

О, блаженство быть сильнымъ и гордымъ и
вѣчно свободнымъ!

Одиночество! Миръ тебѣ!

Море, покой, тишина!..

Къ Бальмонту относятся односторонне,—берутъ изъ его неудачныхъ стихотвореній какія-нибудь „кинжальныя слова“, неудачную фразу: „поэтъ - ли я или побѣгъ отъ пня?“ — фразу, которою человѣкъ пытался охарактеризовать свое пантеистическое міропониманіе,—берутъ это и глумятся надъ нимъ грубо, иногда скверно, всегда несправедливо. А нужно уважать человѣка, даже когда онъ злодѣй; даже когда онъ преступникъ, убійца,—его судятъ, принимая во вниманіе и хорошее его. Въ данномъ-же случаѣ мы имѣемъ дѣло съ поэтомъ, съ нѣкимъ „я“, которое, какъ паукъ, неустанно тклетъ изъ духа своего безконечную нить размышленія и, самъ себя уловляя въ сѣть противорѣчій своихъ, всенародно казнитъ и мучаетъ душу свою, съ жадностью отыскивая въ ней неизблемую точку опоры, съ коей миръ можно было бы оправдать весь, какъ гармоничное цѣлое, какъ симфонію гениальнаго музыканта. Желая быть справедливымъ къ человѣку, я отношусь къ Бальмонту тоже односторонне,—беру только его хорошее и не хочу говорить о его неудачномъ, пороку уродливомъ,—это сдѣлаютъ десятки другихъ рецензентовъ, болѣе способныхъ ругаться, чѣмъ думать.

Выписываю еще два его стихотворенія. Одно изъ нихъ озаглавлено „Кузнецъ.“

Ты видала кузнеца?

Онъ мнѣ нравится, мой другъ.

Этотъ темный цвѣтъ лица,

Эта мѣткость жесткихъ рукъ,

Эта близость отъ огня,

Этотъ молотъ, этотъ стукъ—

Все въ немъ радуетъ меня,

Милый другъ!

Я—хочу быть кузнецомъ,

Я, работая, пою,

Съ запылавшимся лицомъ

Я смотрю на жизнь мою.

Возлѣ дыма и огня

Много словъ я создаю,

Въ этомъ радость для меня,

Я кую!

Отъ всей души слѣдуетъ пожелать Бальмонту болѣе частыхъ ощущеній этой бодрой радости яснаго творчества. Вотъ еще одно изъ его стихотвореній, рѣдкое по музыкѣ стиха: „Воспоминаніе о вечерѣ въ Амстердамѣ“

О тихій Амстердамъ

Съ пѣвучимъ перезвономъ

Старинныхъ колоколенъ!

Зачѣмъ я здѣсь—не тамъ,

Зачѣмъ уйти не волеетъ!

О, тихій Амстердамъ,

Къ твоимъ церковнымъ звонамъ

Къ твоимъ, какъ-бы усталымъ

Къ твоимъ, какъ-бы затонамъ,
Загрязившимъ качаламъ
Съ безжизненнымъ ихъ лономъ,
Съ закатомъ запоздалымъ
И ласковымъ, и алымъ,
Горящимъ здѣсь и тамъ—
По этимъ соннымъ водамъ,
По сумрачнымъ мостамъ,
По окнамъ и по сводамъ
Гдѣ, преданный мечтамъ
Домовъ и колоколенъ,
Какой-то призракъ болель,
Упрекъ сдержать не волея,
Тоскуеть съ долгимъ стономъ
И вѣчнымъ перезвономъ
Поетъ и здѣсь и тамъ...
О тихій Амстердамъ!
О тихій Амстердамъ!

Хорошо это — какъ молитва ребенка, мудрый лепетъ чистой души, недоступный пониманію литературныхъ будочниковъ, кои, якобы охраняя заветы истинной поэзіи, традиціи Пушкина и прочія хорошія вещи, опощленные ихъ прикосновеніемъ, — плюкуть во всѣ стороны пахучей желчью своей бездарности...

Валерій Брюсовъ, нѣкогда изруганный за сборникъ „Русскіе символисты“, шутовскій-ствительно смѣхотворную, въ новомъ своемъ сборникѣ раскланивается съ прошлымъ, говоря „по поводу сборника „Русскіе символисты“:

Мы помнятся и книги эти,
Какъ въ полуснѣ недавній день.
Мы были дерзки, были дѣти,
Намъ все казалось въ яркомъ свѣтѣ...
Теперь въ душѣ и тишь и тѣнь.
Далеко первая ступень:
Пять бѣглыхъ лѣтъ — какъ пять столѣтій.

Относіе къ задачамъ поэзіи болѣе серьезно, Брюсовъ все же и теперь является предъ читателемъ въ одеждахъ страннхъ и эксцентричныхъ, съ настроеніемъ неудовимымъ и съ явно искусственнымъ пренебреженіемъ къ формѣ и красотѣ стиха. Его духовное родство съ Бальмонтомъ, котораго слѣдуетъ по его таланту ставить во главѣ группы нашихъ символистовъ, выражено въ стихотвореніи:

Мой духъ не изнемогъ во мглѣ противорѣчій,
Не обезсилѣлъ умъ въ сдѣланныхъ роковыхъ

Я всѣ мечты люблю, мыѣ дороги всѣ рѣчи
И всѣмъ богамъ я посвящаю стихи.

Онъ воспѣваетъ Гекату и Изиду, посвящаетъ стихи Александрѣ Великому, Кассандрѣ, воспѣваетъ Клеопатру, Орфея и многихъ другихъ покойниковъ, въ одномъ стихотвореніи разбудилъ Рамзесса и во всѣхъ стихотвореніяхъ этого цикла напоминаетъ почему то о благополучно здравствующемъ французскомъ академикѣ — поэтѣ Хозе Маріи Эрдя. Можетъ быть это случайное совпаденіе,

но надо говорить по совѣсти: стихи Брюсова читать трудно: они шероховаты, подавлены претенциозностью и не остаются въ памяти. Но есть въ его сборникѣ одно стихотвореніе, сюжетъ коего взятъ изъ Пролога и оно очень значительно, какъ по содержанию, такъ и исполненію. Въ немъ прекрасно выдержанъ народный складъ рѣчи и наивность творчества, оно вполне заслуживаетъ быть отмѣченнымъ; какъ вещь оригинальная и даже крупная.

Сказаніе о разбойникѣ.

Начинается пѣсня не длинная
О Петрѣ, великомъ разбойникѣ.
Былъ тотъ Петръ разбойникомъ тридцать лѣтъ,

Межъ товарищей почитался наибольшимъ,
Грѣшилъ повада купецкіе,
Дѣлывалъ дѣла молодецкія,
Ни старцевъ не падалъ, ни младенцевъ.
Въ той же странѣ случился монастырь святой,

На высокой горѣ, на отвѣсной
— Межъ землею и небомъ висить —
Ни откуда къ монастырю вѣду доступа.
Говорить тутъ Петръ товарищамъ:

— „Одѣвайте меня въ платье монашеское,
Пойду, постучусь переходимъ странникомъ,
Ночью вамъ ворота отпую,
Ночью васъ на грабежъ поведу,
Гей вы товарищи, буйные да вольные!“

Одѣвали его въ платье монашеское;
Постучался онъ странникомъ подъ воротами.
Впустили его дѣвы праведныя,
Обласкали его сестры добрыя,
Омыли ноги водицею,
Приготовили страннику трапезу.
Сидитъ разбойникъ за трапезой,
Ласкъъ любви сестеръ удивляется,
Праведными помыслами ихъ смущается;
Что отвѣчать, что говорить — не знаетъ.

А сестры близъ въ горенкѣ собрались,
Говорили межъ собой такія слова:

— „Видно гость-то нашъ святой человекъ:
Такое лицо у него просвѣтленное,
Такія у него рѣчи проникновенныя,
Мы омыли ему ноги водицею,
А есть у насъ сестра слѣпенькая...“

Не омытъ-ли ей зракъ той водицею?“
Призывали онъ сестру слѣпенькую,
Омывали ей зракъ той водицею, —
И прозрѣла сестра слѣпенькая.
Тутъ бѣжали всѣ въ горенку сосѣднюю,
Пали всѣ въ ноги предъ разбойникомъ
Благодарили за чудъ великое...

У разбойника душа смутилася,
Возмущилася ужасомъ и трепетомъ,
Творилъ и онъ — земной поклонъ,
Земной поклонъ передъ Господомъ.
— „Былъ я, Господи, великимъ грѣшникомъ,

Примешь ли ты мое покаяніе!“
Тутъ и кончилася пѣсня не долгая.

Сталъ разбойникъ подвижникомъ,
Надѣлъ вериги тяжелыя,
Во всей землѣ прославился подвигами.
А когда со святыми преставился —
Мощи его и по нынѣ чудеса творять.

Авторъ, очевидно, былъ сильно охваченъ

народнымъ представленіемъ о неисчерпаемомъ милосердіи Бога, представленіемъ, корни котораго лежатъ въ глубокой и плодотворной почвѣ искренней вѣры. Онъ не украсилъ это сказаніе никакими узорами современной мысли, и это очень хорошо рекомендуетъ его со стороны чувства и чужды къ прекрасному. У него есть еще одно маленькое стихотвореніе „На новый колоколъ“

Пожертвуйте благодѣтели
На новый колоколъ!
Глазъ Господень,
Звонъ колокольный
Съ призывомъ ангельскимъ
Дивно сходенъ.
Святые отшельники
Въ видѣньяхъ слышали
Ликъ небесный,
Святые отшельники
Все вѣрно запомнили
И призывы и пѣсни.
Нашъ звонъ православный
Напѣвомъ ангельскимъ
Поетъ и трубитъ.
Пожертвуйте православныя
На новый колоколъ,
Что милость будетъ,
Васъ Богъ не забудетъ!

Красота этого стихотворенія становится особенно понятна, если прочитавъ его на распѣвъ, именно такъ, какъ просятъ пожертвованіе сборщики на колокола.

Но помимо красоты оба стихотворенія В. Брюсова, приведенныя нами, многія въ его сборникѣ и многія въ сборникѣ Бальмонта возбуждаютъ вопросъ: насколько серьезно и искренно это, такъ ясно замѣтное въ послѣднее время, стремленіе къ религиознымъ мыслямъ и сюжетамъ? Оно брошено въ глаза не у однихъ символистовъ, далеко не у нихъ только. Все чаще и чаще встрѣчаешься въ литературѣ съ настроеніемъ, тяготящимъ къ религіи и даже религиозной мистикѣ. Чѣмъ это объясняется? Характерно и то, что поэты трактуютъ всего чаще и охотнѣе именно объ одномъ изъ атрибутовъ Бога — о Его милосердіи, о Его всепрощеніи. Что это? Искренній ли голодъ души современнаго человѣка, уставшей отъ безвѣрія, или хитроумная уловка буржуазнаго общества, которое, будучи обезопасено все ярче и ярче выступающими изъ хаоса жизни противорѣчійми, — желаетъ успокоить совѣсть свою и, облекаясь въ мантіи фари-сеевъ, ловко прачется отъ роковой логики событій подъ покровъ милосердія Божія?

Если вѣрно послѣднее — то я считаю нужнымъ напомнить одно мудрое изреченіе — Богъ шельму мѣтять, стало быть, не спра-чешься, какъ ни вертись.

М. Горькій.